

О. А. Старовойтова

ОБ ОДНОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Русские глаголы, образованные от этнонима с помощью суффикса -*o-//i-*(ть), на протяжении XIX–XX вв. претерпевали определенные изменения. Результаты этого сложного исторического процесса зафиксированы в разножанровых текстах, отражая динамику развития русского языка. Активность и частотность рассматриваемых глаголов, вне всякого сомнения, раскрывает особенности «мировидения, мирочувствования и мировосприятия» этноса. Библиогр. 36 назв.

Ключевые слова: русский язык; историческая лексикология и словообразование; глаголы, мотивированные этнонимами.

ON A WORD-BUILDING MODEL OF THE VERB IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE: THE DYNAMIC ASPECT

O. A. Starovoitova

St. Petersburg State University 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article deals with the verbs, which derive from the names of ethnos by means of the suffix -*o-//i-*(t'), and their function of in the Russian Language during the 19th–20th Centuries. The results of this complex historical process are found in the different styles' texts and they reveal the language development dynamics. The active and frequent use of the mentioned verbs reflects the features of the ethnic vision, perception and feeling of the world. Refs 36.

Keywords: the Russian Language, history of lexis and word-building, verbs derived from the names of the ethnos.

Значение словообразования для таких языков, как русский, утверждала Е. А. Земская, трудно переоценить: благодаря этому процессу существенно пополняется словарный состав языка. Реализация большого потенциала, заключенного в словообразовательной системе русского языка, особенно интенсивно осуществляется в активные периоды жизни языка и этноса, демонстрируя также осмысление говорящими и воплощение ими в языке фактов реальности и подтверждая тезис о «деятельностном характере словообразования» [1]. К таким периодам, несомненно, относится новое время, в границах которого выкристаллизовывался русский литературный язык (добавим — современный, если речь идет о XIX в.).

Структура и развитие словообразовательной системы современного русского языка изучены сегодняшней лингвистикой достаточно полно и глубоко (Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова, А. И. Моисеев, А. Н. Тихонов, И. С. Улуханов, М. Н. Янценецкая и мн. др.), тем не менее и до настоящего времени в этой области остается немало белых пятен. Особенно важным в свете современной научной парадигмы видится изучение глагольного словообразования, поскольку русский глагол играет огромную роль в отражении действительности и ее представленности в нашем сознании и в языке, благодаря тому что он связан с действием: именно действие несет на себе

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 14-04-00388 «Дифференциальный словарь «Словаря русского языка XIX века»» (буквы М—Н—О)».

печать «духа народа», а слова, описывающие его, входят в «фонд слов, отражающих мировоззрение народа» [2, с. 3].

Важным и интересным является наблюдение за различными словообразовательными моделями (см., напр., [3]), но еще более любопытным может стать анализ динамики функционирования определенной словообразовательной модели в разные периоды развития языка.

Так, учеными традиционно отмечается большая употребительность и продуктивность в современном русском языке отыменных глаголов с суффиксом *-o-//-и-*(ть) [4, с. 260; 5, с. 74]. Поскольку данные глаголы не имеют единого словообразовательного значения, они классифицируются по типам [5, с. 74–75]. В связи с поставленной исследовательской задачей нас будет интересовать один из них — тот, в котором отыменные глаголы с вышеуказанными суффиксами образуются от производящих этнонимов — имен существительных, называющих национальность. Данный тип в современном русском языке характеризуется следующим образом: «Глагольный ряд открытый, но тип глагола малопродуктивный. Имеющиеся глаголы образованы от имен мужского рода с нулевым окончанием и непроизводной основой: *француз — французить, цыган — цыганить*» [5, с. 87]. Лексическое значение в зависимости от контекста определяется как ‘действия субъекта, с которым согласуется глагол, есть действия производящего имени’. Образованный глагол является непереходным и в зависимости от контекста может иметь прямое (реже) или метафорическое (по преимуществу) значение [5, с. 87].

Наблюдения над глаголами данного типа в языке XVIII–XIX вв. дают несколько иную картину. Во-первых, обращает на себя внимание иной грамматический статус глаголов во многих контекстах, а именно их переходность, на что указывает употребление прямого дополнения (*русить слова, французить фамилии* и т. п.):

Он любил русить¹ иностранные слова; у него выше сего заимствовал я слово апрее; про лифляндских помещиков говорил он, что у кого из них более поместьев, тот и фонее² [6];

Прося извинения у малороссийских дам и кавалеров, любящих, конечно из самых высоких побуждений, французить свои фамилии, мы станем склонять их согласно с особенностями их же родного наречия [7, с. 334].

Семантика глагола в подобном употреблении (‘изменять на иностранный лад’) с очевидностью предполагает перфективацию, которая осуществляется при помощи приставки *o-*(*об-*); примеры подобных лексем встречаем в первую очередь в научных трудах историко-филологической направленности, где соответствующие глаголы используются для характеристики сугубо языковых процессов:

Образовательность (Formation), в горных книгах говорится формация; но в слоге историческом, кажется, приличнее обрусить это слово [8];

Мы <...> в результате своих более чем пятимесячных наблюдений над простонародным языком в Анатолии составили себе идею, что при употреблении иностранных слов для турка важно только отурчить слово [9, с. 30];

¹ Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, выделено нами. — О. С.

² Все примеры в настоящей статье приводятся с заменой дореволюционной орфографии на современную, пунктуация источника сохранена.

Он <Алеко-паиша> стал подписывать все бумаги, по-болгарски, хотя его знание болгарского языка ограничивалось умением писать только одно слово — свою фамилию — Богориди. Достоинно внимания, что он счел нужным **оболгарить** даже свое фамильное прозвище (так! — О. С.), *Вогоридес*, и стал писаться *Богориди*, что действительно ближе подходило к его настоящему, болгарскому прозвищу — *Богоров* [10, с. 252–253].

Образование формы совершенного вида глагола в отдельных случаях осуществляется с помощью приставок *по-* или *пере-*, поэтому некоторые глаголы имеют варианты пары (*огречить* — *погречить*, *отурчить* — *потурчить*, *обрусить* — *перерусить*):

*Но в самом городе, где до жизни коснулась уж греческая и турецкая цивилизация, и болгары потурчили свой костюм так же, как **погречили** родные обычаи и язык, многие болгары ходят в европейском костюме с феской на голове, и скорее похожи на турок, чем на болгар или европейцев* [11, с. 252].

Поскольку глаголы с приставками *о-* и *пере-*, *по-* употребляются в сходных контекстах, довольно сложно говорить об их семантических или стилистических различиях. Обращает на себя внимание только тот факт, что глаголы с приставкой *по-* (как широко распространенной в славянском ареале) часто встречаются в текстах, переведенных или переложенных на русский язык с других славянских языков.

При более детальной проработке семантики подобных глаголов, например при их лексикографировании в историческом словаре, по-видимому, следует выделить и оттенок значения 'переводить текст с одного языка на другой, приспособлявая его к особенностям языка-реципиента':

*Я предпочел бы «Вильгельма Теля»: можно его прекрасно **орусачить*** [12, с. 299].

Примеры подобного употребления отыменных глаголов являют собой краткую и емкую формулу для характеристики работы с иноязычным текстом, благодаря чему она входит в идиоматический арсенал российских литераторов (писателей и переводчиков):

*Если Державин русский Гораций, как его часто называют, то князь И. М. Долгоруков, в таком же значении, не есть ли русский Державин? В Державине есть местами что-то горацанское; в Долгорукове есть что-то державинское. Все это — следуя по нисходящей линии. Державин кое-где и кое-как **обрусил Горация*** [13].

При этом качество такой работы определяется сопутствующими наречиями: *обрусить **прекрасно*** или *кое-где* и *кое-как*.

Рассматриваемым глаголам может быть приписана и отрицательная оценка, которая отчетливо проявляется благодаря контекстному окружению, например использованию в качестве синонима к слову с ярко выраженной отрицательной семантикой (*славенить*, *немчить*... = *портить*):

***Порча**, или лучше сказать, **ославление** имен собственных также не по моему вкусу; если россиянин станет имена *славенить*, немец — *немчить*, татарин — *татарить*, китаец — *китаить*, то и будем мы, как немецкие кривотолки, считать Ивановым — Киноваревым* [14].

Отыменные глаголы с суффиксом *-о-//и-(ть)* от этнонимов в русском языке XVIII–XIX вв. могли быть и непереходными, однако их принципиальное отличие от

современного русского языка состоит в несовпадении выражаемого значения (см. выше).

Казалось бы, смысловые отношения между производным и производящим в обоих случаях должны складываться — с учетом семантической структуры исходного слова — одинаково (*француз* → *французить*), однако получается, что первоначально основной характеристикой действий представителя любой национальности выступала одна, но самая яркая, очевидная — речь:

Таким образом за все утро проехали мы одну станцию и в обеденное время, достигнув Каскова, расположились в нем немного отдохнуть. По глупой моей тогда привычке, французить и каламбуриуть, назвал я эту станцию cassesou; Блудов был в дурном расположении духа и наморщился [15, с. 75].

Такое значение сохранялось на протяжении всего XIX века, ср.:

- 1) 20-е годы: *... вот и еще — у нас невестам урожай, а женихи дорожи, не одну сотнею их поубавилось. Как умеет лгать, по-нынешнему фанфаронить, да французить, так сватайся смело, отказу не будет. У нас же эполетники в чести; а наш брат, отставной, а паче приказная строка, и не суйся — тотчас двери покажут. [16, с. 334];*
- 2) 40-е годы: *Баубенцопф: То-то и есть, хвастуны вы, молодежь! Драться с вами пойдешь, как будто и прежние уланы и гусары, а на биваке вас тоска берет: стихи пишут, вздыхают... Мы французить по-вашему не умели; рубиться могли не хуже вашего — а уж разгулье... Все трын-трава! [17, с. 103];*
- 3) 90-е годы *Он <брат Вова> находит, что она <сестра Муся> стала negliжировать языками. Читает она много, но не старается говорить. <...> Когда он начнет с ней говорить по-французски — она, точно нарочно, ответит всегда по-русски. Положим, и он не очень любит французить; но он — «мужчина». А она — девушка-подросток. Ведь ее будут вывозить. Не пойдет же она в телеграфистки или в приказчицы в магазин «Муравейник»? Да и там нынче — какие франтихи, а одна так и режет с барынями по-французски [18, с. 252].*

«Толковый словарь русского языка», зафиксировавший результаты изменений лексической системы русского языка в том числе и последних десятилетий XIX в., дает уже более широкое толкование соответствующим глаголам: 'говорить по-французски, поступать, вести себя на французский лад' [19, т. 4, стлб. 1114]. С подобным значением отыменного глагола, включающим не только речевое поведение субъекта, мы сталкиваемся, например, в повести Н. С. Лескова «Островитяне» (1866):

«Фридрих Фридрихович был и хлебосол и человек не только готовый на всякую посылку, но даже напрашивавшийся на нее; он и патриотизму русскому льстил, стараясь как нельзя более во всем русить; и за дела его можно было только уважать его, а все-таки он как-то не располагал человека искренно в свою пользу» [20, с. 28].

Словосочетание *русить во всем* указывает на разные стороны (культурные и языковые) поведения персонажа. Неслучайно критики отмечают: «Этот петербургский немец <...> вполне комфортно себя чувствует в культурном и языковом «койне»» [21, с. 333]. Однако сам автор произведения тщательнейшим образом выписывает именно речевую манеру своего героя, который — что весьма показательно

в плане типичной сочетаемости переходного глагола с дополнением (*русить, французить... имя, прозвище, фамилию*) — даже предлагает называть себя не Фридрихом Фридриховичем, а «Федор Федорычем» [20, с. 175].

Таким образом, отыменным глаголам с суффиксом *-о-//-и-(ть)* (и переходным, и непереходным), образованным от этнонимов, в русском языке первоначально была свойственна прямая мотивация (существование прямой и образной мотивации производных слов в русском языке признается бесспорным [22]), их общее значение было связано с речевым поведением субъекта — ‘говорить на иностранном языке’, ‘изменять на иностранный лад, коверкать (слова, речь, манеру говорения)’.

Исходя из того тезиса, что «везде мысль подчинена текущим обстоятельствам, <...> форма приноровлена к требованиям минуты» [23, с. 121], позволим себе утверждать, что именно речевое поведение человека было приоритетным в оценке степени его подражания представителю другого этноса. Многоликий мир воспринимался носителями русского языка прежде всего как многоголосый, разноязыкий.

Со временем такое восприятие изменилось, что отразилось сначала в расширении прямого значения глагола, а затем и в развитии образной мотивации, ср.: «цыганить 1. Разг. скитаться, бродяжничать; часто переезжать с места на место; 2. (св выцганить). Разг. назойливо выпрашивать, кланчить» [24, с. 1465].

В текстах второй половины XIX в. изредка встречается еще один тип контекста, в котором используются анализируемые отыменные глаголы с суффиксами *-о-//-и-(ть)*:

Она <русская политика> повредит себе и империи, если намеревается русить эти немецкие земли и если этого со временем достигнет: они связаны языком, литературою, нравами с Германиею, с немцами, которые стоят на гораздо высшей ступени, чем русские, могущие у них только поучаться... [25, с. 84].

Значение глагола в этом случае можно сформулировать следующим образом: ‘превращать в кого-л., что-л., придавать какие-л. свойства, качества’. Особенностью данного употребления является то, что оно не вписывается в стройную систему образованных от названий национальностей переходных глаголов с подобным значением, которые, являясь новацией русского языка XIX в., в подавляющем большинстве образуются по типичной и продуктивной словообразовательной модели от имен существительных и прилагательных посредством приставки *о-(об-)*. Производные слова, в соответствии с семантикой приставки, имеют в русском языке общее значение ‘превращение в кого-, что-л., придание каких-л. свойств, качеств, становление каким-л. (в результате действия)’ [26, т. 2, с. 518].

Исследование соотношения продуктивности и употребительности подобных отыменных глаголов совершенного вида с приставкой *о-(об-)* в русском языке XIX в. с высокой степенью статистической достоверности указывает на вторичный процесс имперфективации (*мадьяр* → *омадьярить* → *омадьяривать*, *француз* → *офранцузить* → *офранцузивать* и т. п.):

В настоящее время внутреннее политическое положение Венгрии — этой равноправной и равнодержавной половины Австрийской монархии — таково, что с лишком два миллиона венгерских словаков, — этого прекрасного, мирного, загнанного племени, насильно омадьяриваемого, — негодуют и вопят... [27, с. 362],

а не перфективации, как это наблюдается для рассматриваемых в настоящей статье отыменных глаголов (*француз* → *французить* → *офранцузить*).

Соответствующие адвербативы, что показательно, образуются от глаголов совершенного вида: *олатышение, окиргизение, отуречение* и т. п.

Вероятно, объяснение несистемного употребления глагола в подобных случаях (*французить* вместо *офранцузивать*) стоит искать не столько в особенностях грамматической формы, которая не употребляется вообще или не является широко употребительной (**обрусивать* ← *обрусить*), сколько в явлении интенсификации, прагматической целью которой является стремление усилить воздействие высказывания. Интенсификация является количественной модификацией качества, отражающей отклонение от «нормальной» меры, делающей это качество существенным для говорящего или слушающего [28, с. 304]:

В деле обрусения мы не красильщики и не белильщики, не руссификаторы; Русь нечего русить; наши отношения к Западной Руси свои, родные, но не чужие, как это видно у немцев по отношению к подвластным им славянским областям; там они, действительно, и белят и красят на немецкий лад, т. е. немечат [29, с. 2].

Не случайно интенсификация действия, переданная в приведенном примере глаголами *русить* и *немечить*, поддерживается метафорическим сочетанием *белишь и красишь на какой-л. лад*.

Интенсивность, которую понимают как «меру количества экспрессивности, меру эмоциональности, оценочности» [30, с. 7], в контекстах с бесприставочными глаголами часто поддерживают другие лексические (*одурели, возмнили*) и грамматические (*давай мадьярить*³) единицы — интенсификаторы смысла высказывания:

Они <мадьяры> до того одурели, что и взавраду возмнили о высшей культурной (выделено автором. — О. С.) миссии мадьярской нации, — и давай мадьярить! [27, с. 362]

Опираясь на выдвинутое М. Н. Янценецкой положение о стремлении к точному следованию аналогии, характеризующее словообразование и систему его средств [32], предложим для сравнения краткое описание динамики функционирования еще одной словообразовательной модели глаголов (отыменные, образованные суффиксальным способом от названия национальности), вектор семантического развития которых сходен с описанным выше.

До середины XIX в. глагол *англизировать* употребляется в специфическом значении, которое последовательно отражено в словарях: *angliser (angloiser)*. *Англизировать лошадь* [33, с. 64]; *АНГЛИЗИРОВАТЬ, рую, руеть, гл. д. Обрезывать хвост у лошади по примеру Английских заводских лошадей* [34, т. I, с. 9]. Однако уже к середине века такое узкоспециальное значение приходит в противоречие с реальным языковым материалом. Первое, что мы можем с уверенностью утверждать, — его расширение за счет иных объектов действия: теперь обрезать можно не только хвост и не только у лошади:

Каменцы поклялись окарнать все уши чудским ивановским; а ивановцы положили: англизировать всех собак каменских. Никакие предосторожности, ничто в свете не помогало [35, с. 206].

³ Повествовательные обороты, состоящие из модальной частицы *давай* с инфинитивом глагола несовершенного вида, близки к волюнтативу — форме, обозначающей прошедшее действие, стремительное, представляющееся внезапным, немотивированным актом воли действующего лица [31, с. 488].

Во-вторых, как и у глаголов типа *французить*, у него развивается значение, связанное с языковыми особенностями речи:

В этот же самый <балетный> мирок, совершенно отличный от мира присяжных махровых цветов, хотел и Владимир Шадурский ввести свою Машу, имя которой было им англоязычно в Мери, ради вящего благозвучия [36, с. 380].

Наконец, данный глагол начинает употребляться в самом широком и типичном для глаголов, образованных от названия национальностей, значении ‘превращать в кого-л., что-л., придавать какие-л. свойства, качества’:

Он <Н. И. Кривцов> усердно занимался сельским хозяйством, но с прибылью ли, это неизвестно, да и сомнительно. Впрочем, он не англоязычил ни полей своих, ни хлебопашцев, а кажется, держался отцовских порядков в обрабатывании полей и в прочем домохозяйстве [13].

И это вполне закономерно, поскольку внимание к национальному вопросу в разных областях жизни и науки — политике, экономике, образовании, культуре, истории, этнографии и др. — во второй половине XIX в. актуализирует словообразовательные процессы на базе этнонимов именно в направлении отражения влияния одного этноса на другой.

Таким образом, словообразование «как один из важнейших действующих механизмов языка, который используется говорящим в процессе общения в различных целях» [1, с. 5], демонстрирует разнообразные динамические изменения в системе языка. Наблюдения над одной продуктивной для русского словообразования глагольной моделью в разных временных парадигмах позволили выявить определенный вектор семантических процессов, тесно связанных с восприятием действительности конкретным этносом.

Литература

1. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 221 с.
2. Арутюнова Н. Д. От редактора // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 3–4.
3. Развитие словообразования современного русского языка / под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева. М.: Наука, 1966. 211 с.
4. Современный русский язык. Морфология (Курс лекций): учеб. пособие для высш. учеб. заведений / под ред. акад. В. В. Виноградова. М.: Изд-во МГУ, 1952. 519 с.
5. Бахтурина Р. В. Значение и образование отыменных глаголов с суффиксом *-о-/-и-(ть)* // Развитие словообразования современного русского языка / под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева. М.: Наука, 1966. С. 74–112.
6. Вигель Ф. Ф. Записки (1850–1860) // Национальный корпус русского языка. URL: <http://search.ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.01.2014).
7. Аверкиев Д. В. Повести из современного быта. Т. 2. Новая барышня. Лавры и тернии. Ученый сон. История трех неверных мужей. СПб., 1898.
8. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири (1838) // Библиотека М. Мошкова. URL: <http://lib.ru> (дата обращения: 25.01.2014).
9. Извлечения из отчетов лиц, отправленных за границу для приготовления к профессорскому званию. 4) Магистранта восточного факультета Виктора Максимова // Журнал Министерства народного просвещения. 1865. Ч. XXXVIII.
10. Матвеев П. А. Болгария после Берлинского конгресса. Исторический очерк. СПб., 1887.
11. Каравелов Л. Страницы из книги страданий болгарского племени. Повести и рассказы. М., 1868.

12. Письмо П. А. Вяземского А. И. Тургеневу // Остафьевский архив князей Вяземских. Т. I. СПб., 1899.
13. *Вяземский П. А.* Старая записная книжка. Ч. 1 // Библиотека М. Мошкова. URL: <http://lib.ru> (дата обращения: 25.01.2014).
14. *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 2. СПб., 1889.
15. Воспоминания Ф. Ф. Вигеля. Ч. 5. М., 1865.
16. *Броневский В. Б.* Путешествие от Триеста до С.-Петербурга, в 1810 году. Ч. II. М., 1828.
17. *Полевой Н. А.* Драматические сочинения и переводы. Ч. 2. СПб., 1842.
18. *Боборыкин П. Д.* Собрание романов, повестей и рассказов: в 12 т. Т. 8. СПб., 1897.
19. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.
20. *Лесков Н. С.* Полн. собр. соч.: в 36 т. Т. 12. СПб., 1902.
21. *Зенкевич С. И.* Немцы в изображении Н. С. Лескова: повесть «Островитяне» // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование. СПб.: Росток, 2005. С. 331–338.
22. *Улуханов И. С.* О степенях словообразовательной мотивированности слов // Вопросы языкознания. 1992. № 5. С. 74–89.
23. *Киреевский И. В.* Обзорение современного состояния литературы (Статья первая) // Киреевский И. В. Критика и эстетика / сост., вступ. статья и примеч. Ю. В. Манна. М.: Искусство, 1979. С. 154–176.
24. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2008.
25. *Ламанский В. И.* Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе: исследование. СПб.: Норинт, 1871.
26. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М., 1985–1988.
27. *Аксаков И. С.* Сочинения. Общеввропейская политика. Статьи разного содержания 1860–1886. Т. 7. М., 1887.
28. *Родионова С. Е.* Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 300–313.
29. *Гильтебранд П.* Грамматические наблюдения и выводы из живого языка и житейского быта // Филологические записки. 1869. Вып. II, III.
30. *Туранский И. И.* Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высшая школа, 1990. 172 с.
31. *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / отв. ред. Г. А. Золотова. 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
32. *Янценецкая М. Н.* Семантические вопросы теории русского словообразования (Аспект взаимодействия словообразования с лексикой): дис. ... д-ра филол. наук. Днепропетровск, 1983. 419 с.
33. Всеобщий французско-русский словарь, сост. И. Татищевым. Т. 1. М., 1839.
34. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. Т. 1–4. СПб., 1847.
35. Надежда ... Соседи // Современник. Т. XXIV. СПб., 1850.
36. *Крестовский В. В.* Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Роман в шести частях. Т. I. СПб.; М., 1867.

Статья поступила в редакцию 5 марта 2014 г.

Контактная информация

Старовойтова Ольга Альбертовна — кандидат филологических наук, доцент;
ostarovo7@rambler.ru

Starovoitova Olga A. — Candidate of Philology, Associate Professor; ostarovo7@rambler.ru